

НЕСМЕТНЫЕ БОГАТСТВА ТЕАТРА

«В сорока семи пьесах Островского семьсот двадцать восемь действующих лиц. 47 — это не только прекрасные произведения для чтения и для сцены, 728 — это не просто отличные роли для актеров и для актрис. Нет, это целый мир, населенный множеством людей, среди которых могут встретиться и похожие, но не сыщешь одинаковых».

Так начинается эта книга*, две части которой — «Островский и его время», «Островский и наше время» — воочию раскрывают перед читателем подлинно несметные богатства произведений великого русского драматурга и поучительный опыт почти 125-летней жизни на отечественной сцене.

Личность художника, особенности его поэтики, эволюция творчества — все эти важные и сложные проблемы «костровско-ведения» освещены в книге Е. Холодова живо и часто образно.

Вот как, например, представляет он типичность и прототипность «пьес жизни» Островского. Их персонажи «прописаны» драматургом не по всему «великороссийскому государству», а исключительно либо в Москве, либо в Приволжье. «Можно сказать, что все 728 действующих лиц Островского разместились в бассейне двух средне-русских рек — Москвы и Волги. И это не случайно. Драматург воссоздавал жизнь во всех ее характерных особенностях и во всей ее неповторимой конкретности, какой он ее знал и чувствовал. Поэтому и поселяет своих героев в местности, которые знал досконально и любил без памяти» (стр. 29).

Ученые и краеведы долго спорили о том, в каком волжском городе разыгралась драма Катерины Кабановой. Самые веские доводы были у костромичей, поскольку в том же году, когда была написана «Гроза», в Костроме случилось происшествие, в точности похожее на событие, положенное в основу сюжета драмы. «Все это выглядело весьма убедительно, —

пишет Е. Холодов, — но дело в том, что Александра Клыкова покончила жизнь самоубийством 10 ноября 1839 года, а драматург закончил свою пьесу, как значится на рукописи, 9 октября того же года, то есть за месяц до костромской трагедии. В день, когда тело Александры Клыковой нашли в Волге, актриса московского Малого театра Любовь Никулина-Косицкая уже репетировала роль Катерины Кабановой» (стр. 39).

Отсюда следует убедительный вывод: «История Клыковой могла так поразительно повторить трагическую судьбу Катерины только потому, что драматург проник в самую суть той исполненной внутреннего драматизма жизни, которую он показал в своей пьесе.

Драматург написал, разумеется, не о том, что было в Костроме, а о том, что могло быть в Калинове. Город этот создала фантазия художника — вернее сказать, в городе Калинове соединились разрозненные впечатления, которые годами отпечатывались в памяти писателя во время его поездок по волжским городам» (стр. 40).

На обильном материале автор рецензируемой книги обрисовывает пути современной трактовки Островского, нового прочтения его пьес. Общие принципы интерпретации классики на советской сцене — единство конкретно-исторического анализа и философского обобщения, органический сплав точной социальной характеристики с широкой постановкой этической проблемы. Применительно к «герою» книги это означает: «Художественный мир Островского нельзя свести к быту. Но вне быта нет Островского» (стр. 410). И далее: «Поиск необходим. Все дело в направлении поиска. Все дело в том, чтобы искать вместе с драматургом, а не вопреки ему» (стр. 420).

Что касается более частных суждений и оценок Е. Холодова, то среди многих — интересных и точных — есть и спорные, а порой и такие, с которыми трудно согласиться. К примеру, сближение героев пьес «Доходное место», «Пучина», «На всякого мудреца довольно простоты».

«Что общего, казалось бы, —

спрашивает автор. — между идеалистом Жадовым, обывателем Кисельниковым и циником Глумовым?» (стр. 306). Но подсказанный «перечнем действующих лиц» ответ: «все трое — молодые люди, иными словами — люди, начинающие свою жизнь, выбирающие жизненные пути (во всяком случае, в начале каждой из трех пьес)» (стр. 307) — явно недостаточная мотивировка для сближения. В особенности для вывода, что Глумов — «падший Жадов» (стр. 337). Задача Жадова, говоря словами Чернышевского, — «свою жизнь согласить с своими убеждениями». Цинизм Глумова порожден отсутствием убеждений. Глумов живет по законам мира, несостоятельность которого для него очевидна. С помощью Глумова Островским разоблачен и осмеян мир Мамаевых и Крутицких, но не менее сильно поражена и «глумовщина».

Встречаются в книге и противоречия. Так, одни и те же слова Поликсены, героини комедии «Правда хорошо, а счастье лучше», говорящей о готовности покончить с собой, если ей не дадут соединить свою жизнь с любимым, истолкованы то в безоговорочно-положительном смысле (стр. 83), то их искренность поставлена под сомнение (стр. 358). Впрочем, в последнем случае речь идет о «режиссерской вольности», с которой Е. Холодов, однако, солидаризируется.

Завершающие книгу страницы напоминают о Всероссийском смотре спектаклей в ознаменование 150-летия со дня рождения А. Н. Островского. «В юбилейные дни в Костроме, старом русском городе, тесно связанном с жизнью и творчеством драматурга, состоялся заключительный показ лучших спектаклей смотра. Это был подлинный праздник театра. Премиями было отмечено семь спектаклей. В их числе «Таланты и поклонники» в постановке Костромского областного театра, с честью носящего имя создателя этой пьесы — одной из сорока семи».

М. НОЛЬМАН,

и. о. профессора Костромского пединститута им. Н. А. Некрасова.

* Е. Холодов. Драматург на все времена. М., Изд-во ВГО. 1975. 424 стр., 4 тыс. экз., 1 руб. 45 к.